

Веллер Михаил

Памятник Дантесу

Михаил Веллер
Памятник Дантесу
рассказ

Произошло это в небольшом районном центре под названием Козельск. Заштатный городишко Козельск не примечателен абсолютно ничем, кроме одной страницы в своем далеком прошлом -- страницы славной и скорбной. Это тот самый Козельск, который во времена татаро-монгольского нашествия отчаянно сопротивлялся семь недель всему монгольскому полчищу и вошел в анналы как "злой город", под стенами которого монголы положили уйму воинов, и в отместку и в злобе поголовно вырезали все его население, сам же город сожгли. Когда-то это было написано во всех школьных учебниках истории и приводилось как пример героизма русских людей, сопротивлявшихся жестоким татаро-монгольским захватчикам.

У отдельных школьников, склонных от природы к размышлениям, выходящим за рамки обязательной общеобразовательной программы, факт героической обороны Козельска вызывал некоторые не то, чтобы сомнения, но вопросы, не находящие разрешения. Скажем: если маленький Козельск на целых шесть недель задержал продвижение туч монголов в Европу, то что могли бы совершить Киев или Чернигов, обороняйся они так же стойко? Городов на Руси было много, даже по семь недель на каждый -- это уже сотни и даже тысячи недель, и потери монголы понесли бы неисчислимы, так почему же другие города не сопротивлялись столь же мужественно? И почему именно и только Козельск защищался так героически, а прочие подверглись нашествию как-то... пассивно, что ли. Будь все такими героями, как козельцы, так и конец бы пришел на Руси монголам, наверное.

Но предметов в школе много, уроки каждый день, и даже у самых пытливых юных умов эти внепрограммные мысли дальнейшего развития не получали. Каждый новый день приносил много поводов к мыслям гораздо более серьезным и актуальным. Здесь и успеваемость, и любовь с дружбой, и взаимоотношения с родителями, и деньги, и приличные шмотки, и набить морду кому надо и не получить по рылу самому, и прочее

без конца.

Некоторые же из этих школьников, особо умные и любознательные, в возрасте уже сравнительно зрелом раскрывали увлекательные сочинения блистательного историка Льва Гумилева, блистательность которого была наследственной и предопределенной генетически и биографически, как только и может быть у сына расстрелянного в ЧК знаменитого поэта и прошедшей вполне крестный советский путь знаменитой поэтессы Анны Ахматовой, и из этих сочинений узнавали с противоречивым изумлением, что накрывшие черной тучей всю Русь монгольские полчища насчитывали два туме-на, то есть двадцать тысяч человек -- что не есть силища неисчислимая и необоримая, но в масштабах страны и континента не такая уж и большая. Правда, они были отлично организованы, отменно умелы в бою и безукоризненно храбры. И вот этот экспедиционный корпус, состоявший из двух туменов, представлял интересы Великого Кагана на самой северо-западной границе Великой Степи, где и располагалась Русь, и от его имени рассылал посольства по городам, предлагая достаточно умеренные требования двоякого рода: признать принципиальное главенство Чингиз-хана -- раз, и в порядке заключения и исполнения союза о ненападении и взаимопомощи раз в год отправлять в ставку Орды скорее символическую, нежели реально обременительную дань,-- два. Что могли взять степные воины с Руси? Кони здесь были не те, наемных войск они не применяли, оружие ценилось азиатское, качество его было куда выше, ткани тоже ценились китайские и бухарские. Так что -- меха, мед, драгметаллы в очень умеренных количествах. А поскольку непосредственно перед этим на Калке русские опрометчиво попытались вступить за союзников-половцев и были быстро и крепко биты и разогнаны сильно уступавшим им в числе противником, то в городах сии посольские извещения обдумывали внимательно и решили за лучшее принять.

Собравшиеся раздавить врага четырехкратным перевесом русские войска на Калке возглавляли три Мстислава -- Удалой, Киевский и Черниговский. Удалой Мстислав бежал первым, Черниговский -- вторым, Киевский сдался. Вследствие этой удали семьсот пятьдесят лет спустя районный цензор Козельска, в силу своей татарской национальности тонко чувствительный к отдельным историческим моментам, снял с разворота газеты рассказ Джека Лондона "Белое безмолвие", поставленный к юбилею последнего и начинавшийся фразой: "Сколько ни встречал я собак с затейливыми кличками, все они никуда не годились".

Но Козельск стоял на отшибе и не играл никакой заметной роли в

тогдашней Руси не только, похоже, в силу своей незначимости, но и в силу умственных и моральных качеств своих жителей, каковые качества, как мы вскоре увидим, и до сих пор не могут позволить Козельску выбиться в приличные города. Потому что еще до этих печальных известий в козельцах, выслушавших монгольское посольство, разыграло чувство превосходства: ишь ты, десяток всадников неизвестно откуда, а тоже туда же -- давай еще им что-то!.. Жадность, как давно, но все равно позже чем следовало сформулировали в Одессе, есть мать всех пороков: пожадничавшие насчет дани козельцы объяснили друг другу, что дело не в дани, а в унижении самого требования, и, согласившись в этом друг с другом, решили послов тут же унижить ответно и в порядке унижения вообще перебили на месте. Как ни мал был Козельск, но с посольством храбрые горожане вполне сумели управиться.

Сын убитого поэта Гумилев своей обстоятельностью и исторической справедливостью озадачивал и смущал ум. Монголы имели массу предрассудков, диковатых на европейский или русский взгляд. Например, посол был лицом абсолютно неприкосновенным, а его убийство -- тяжчайшим оскорблением правителю и народу. По "Великой Ясе" Чингиза убийство довершегося расценивалось преступлением непрощаемым и каралось исключительно смертью всех к нему причастных: если кто полагает, что беспомощного посла, рассчитывающего на твою честность и благородство и прибывшего для переговоров, можно вот так взять и убить, так этот убийца -- человек с червоточиной, с неправильным устройством души, а душу такую он получил от родителей и передал детям -- ну так придется вырезать весь род и весь город, потому что такие люди не должны осквернять собою наш мир. Вот такая суровая и простая логика.

На Козельск было отправлено пять сотен всадников. Сил у монголов было мало, и расходовали они их экономно и рационально. Ко времени прибытия полутысячи под стены козельцы уже знали, что неизбежно следует за их поспешным вероломством, и рассчитывать на пощаду им не приходилось никак. Отчаянная защита объясняется не героизмом характера, а безвыходностью положения -- все равно умирать со всей семьей и городом, так единственный шанс хоть продлить жизнь -- драться на стенах, альтернатива чему -- подставлять горло под нож, как барану.

И не потому монголы упомянули Козельск как "злой город", что он сопротивлялся, а потому, что преступил священный закон неприкосновенности доверившихся и убил послов.

Однако с тех пор минуло без малого восемь веков, давно уже монголы прокатились до Адриатики и Египта и отхлынули обратно, раскатали

Китай, сели в Индии, были биты Тимуром, зацепились за Волгу, качают нефть за Казанью, держат дворницкое дело в Москве и живут в ней без малого миллионным землячеством, и нет этому нашему рассказу до них никакого дела, и упомянули-то мы о них только потому, что было это дело в Козельске, о котором ничего больше примечательного и не сказать.

Итак, в районном центре Козельске, в порядке единения со всей страной и еще более глубокого приобщения к русской культуре, было решено ко дню двухсотлетия Александра Сергеевича Пушкина поставить ему памятник. И выделили на это из городской казны посильное количество денег. Интересно заметить, что в контексте слово "посильный" всегда синонимично такому однокоренному ряду, как "малосильный", "бессильный", "несильный". То есть денег выделили не сильно. Долго кроили и отрезали из зарплаты учителей: мол, акция внутрикультурная, из того же кармана и возьмем. Учителя могли посильно, оно же бессильно, воспротестовать, но их об этом обрезании не известили, чтобы не огорчать лишний раз и без всякого конструктивного результата.

Из соображений той же экономии Пушкина решить делать не ростового, а бюст. Все поддержали друг друга: душа поэта отражается в его лице, а не ногах или других нижних частях тела. Особенно аргументированно говорил один член городского управления, бывший санитарный врач: изображать живот и спину человека, которому всадили свинцовую пулю в живот так, что она повредила позвоночник -- это негуманно, жестоко, и лишний раз привлекать к этому внимание поклонников его таланта совершенно неуместно. Болезненная смертельная рана, ну зачем же нам скульптура с животом. Конечно, в Москве или Петербурге Пушкин изображен в полный рост, но у них там, в столицах, во-первых денег наворовано немерено, а во-вторых народ торопливый и равнодушный, не задумывается над тем, что видит.

Итак, проголосовали за бюст. Стали выбирать скульптора. Всем хотелось талантливого и недорогого. И районное управление культуры такого посоветовало. Человек был уже немолодой, когда-то кончил знаменитое Мухинское училище в Ленинграде и всю жизнь зарабатывал на хлеб Лукичем. Лукичем скульпторы советской эпохи называли промеж собой Ильича; это был профессиональный жаргон. Еще Ильича называли "Кормилец" -- не за то, что кого-то накормил, а за то, что кормились им: лепить его приходилось часто, скульптуры Лукича втыкали где только можно, и денег на них отпускали не скупясь, здесь главное было поплотнее пристроиться к кормушке.

А после советской власти кормушка резко съезжилась, и когорты

осиротелых лукичевцев остались без работы, без куска хлеба и глотка водки. За умеренную мзду они готовы были ваять хоть Чебурашку.

Скульптор получил аванс, заплатил за отключенное в квартире электричество, побрился электробритвой, выпил в праздничном свете и приступил.

Мудрить он не стал. Взял глиняную заготовку Ленина подходящего размера, бородку переставил на бакенбарды, лысину обрастал кудрями. Нос удлинил, губы приплюснул -- как живой Пушкин. Сейчас вскинет руку и скажет: "Зд'гаствуй, милая под'гужка!"

И повез готового ко второму рождению поэта в свет, в областной центр, где на заводе металлоконструкций был литейный цех. Бюст было решено сделать чугунный: бронза -- это крутовато, дорого, цветной металл, валюта; и кроме того справедливо рассудили, что бронзовый бюст обязательно сопрут. Город бедный, зарплат не платят, а тут -- бронза! Не меньше доллара за килограмм. Обязательно сопрут, в первую же ночь. Тут медные провода от электричек каждый месяц срезают, одного мужика током убило, когда он в работающую трансформаторную будку за медным проводом полез, а вы -- бюст! Ясное дело сопрут. Пусть лучше будет чугунный. Оно и несравненно дешевле. Все равно бронза на воздухе быстро зеленеет, чернеет, окисляется птичьими какашками, что ж к бюсту - лакея с опахалом приставлять? Нет: дружно решили чугунный.

Через неделю скульптор привез Пушкина на попутке. Комиссия прибыла в его полуподвальную мастерскую и встала полукругом с распорядительным и опасным видом семейства Борджиа, принимающего у Ми-келанджело изображение главы рода.

Бюст понравился. В его прищуре смутно угадывалось что-то родное, от истоков. Постановили одобрить, и комиссия брызнула на этот пир духа тонкой струйкой золотого дождя: из расчета скульптору заплатить за квартиру, выпить и сделать каменный постамент.

Скульптор сумел не только выпить, но и закусить, потому что постамент он купил в кладбищенской мастерской, где мастер-каменотес давно перешел исключительно на тройной одеколон, поскольку; из живого нищего еще никому не удавалось сделать богатого покойника, и денег на приличные памятники не было ни у тех, ни у других. Обычно варили кресты или пирамидки из железного уголка и красили нитроэмалью. Так что прекрасный гранитный параллелепипед удалось приобрести за сущий бесценок.

На радостях экономный скульптор загулял, строя горячечные планы опущивания всей страны. В своем заказе он узрел симптомы нового

скульптурного подъема родины, и в шалмане угощал знакомых, повторяя: "Лиха беда начало!"

Говорят, когда козельцы мочили послов, кто-то тихо предостерег: "Не буди лихо, пока оно тихо". Насчет начала скульптор оказался прав, ибо устами младенца глаголет истина, а пьяный человек -- в сущности тот же младенец.

Беда и вправду оказалась сравнительно лиха: когда скульптор вышел из запоя по причине отсутствия наличия денег, что выяснилось непосредственно в винном отделе магазина "Ласточка" и имело следствиями отбирание сумки с водкой и бычками в томате, драку с продавщицей и получение по хребту милицейской дубинкой, он побежал в мастерскую пошукать по выпитым бутылкам на предмет сливания остатков, и выяснил, что ЖЭК выселил его из мастерской. Переговоры с конторой успехом не увенчались: не плачено было за три с половиной года, и пока деньгами не пахло -- то терпели, а когда всем стало известно, что скульптор с шиком пропил сумасшедший гонорар за памятник Пушкину для центральной площади, но за мастерскую так и не заплатил, чиновники воспылали ненавистью фискалов к нагой музе ваяния и зодчества, и утром в понедельник все атрибуты и аксессуары его искусства были выкинуты к чертовой матери на чахлый газон меж кустов и экскрементов.

Полезную мелочь скульптор перетащил в квартиру, а с бюстом обнялся в тени и задумался. Святотатство низовых властей уязвило. Но квартира была на верхнем этаже, пятый без лифта. Легкий гений поэта в чугунном варианте стал неподъемен. И кладбищенский постамент не легче.

Он пошел в шалман и пожаловался друзьям. Друзья тоже любили поэзию Пушкина, они налили скульптору и наперебой стали читать стихи. Один выпил, выдохнул и сказал: "Я помню чудное мгновенье". Второй пошутил: "Моя дядя самых честных правил", -- и изобразил, как стреляет соседу в ухо из пистолета: правит контрольным выстрелом, значит. Третий, проиграв борьбу с судорогой собственного кадыка и метнув меню в угол, печально сказал: "Приветствую тебя, пустынный уголок". А еще один, упав со стула, процитировал из постановки Белорусского оперного театра: "Паду ли я, дручком пропёртый". Все засмеялись, со стола упал стакан и разбился рядом с головой декламатора, после чего тот продолжил: "Чи мимо прошпындярит вин". Короче, к Пушкину здесь относились как к родному.

Поэтому, допив, пошли к мастерской, захватив имевшуюся у одного тележку для сумок и чемоданов, и коллективом перевезли в центр площади сначала постамент, а потом и памятник.

Площадь была скромная. Не крупная. В середине ее был газон, но это

был такой газон, который вроде бассейна без воды. То есть он не был заасфальтирован, но трава там тоже расти не хотела, хотя по части удобрений все было в порядке со стороны собак и прочих крупных животных, не полностью контролирующих физиологические акты своего кишечника...

В глубине души каждый пьяный -- патриот и любитель Пушкина. Потому что сбегали за метлой, под мели песчаный газон, в центре утоптали ногами площадку, поставили поровнее гранитный параллелепипед и, кряхтя из всех мест, подняли и установили бюст на предназначенное ему место.

Полюбовались, поправили, заботливо протерли от пылинок, и пошли sprysnut' это дело. До дня рождения Александр Сергеича оставалось еще тридцать дней, это тоже дата, а уже все в порядке.

Внимания на это событие никто не обратил. Кого удивишь в России памятником Пушкину. Да хоть бы и памятником кому бы то ни было. Да хоть бы и не памятником. Времена пошли интересные, сейчас вообще никого ничем не удивишь. Если б они на тот постамент поставили живого Жириновского, произносящего речь о раздаче водки каждому, кто примет участие в экзекуции над коммунистами -- это бы еще имело хоть какой-то шанс собрать любопытных, а так... стоит Пушкин -- ну и ладно. Кому ж и стоять, как не Пушкину.

Но в день юбилея было намечено провести торжественное открытие нового памятника. Естественно: а иначе на хрена его и ставить. Памятник с ночи накрыли новой простынкой, пришив к середине тесемку, чтоб можно было красиво сдернуть. Принесли несколько горшков с цветами. Поскольку разбежавшихся на каникулы школьников собрать невозможно, привели из ближнего детского сада нарядно одетых детишек. Из районной газеты пришли журналист и фотограф, с районного радио -- девочка с магнитофоном. Десяток любопытных собрался. Скульптор чистую рубашку надел. Дама из управления культуры три гвоздики в руках держит -- чтоб возложить после открытия. Все чин чинарем.

В половине двенадцатого приехал на черной "ауди" мэр города господин Корнейчук, бывший боксер и челнок, следом -- луноход, менты расчистили посреди маленькой толпы место для мэра, и он объявил торжественный митинг, посвященный открытию памятника, посвященного двухсотлетию великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, открытым. Все поаплодировали и утерли пот: уже солнце припекало.

Мэр сказал, что всем лучшим в себе мы все обязаны Пушкину, и теперь отдаем ему дань. Быстро глянул на крыши и добавил: "И никакому

Дантесу не удастся убить наше солнце!" После чего скромно отошел к машине, и холуй налил ему кока-колы.

Дама из управления культуры, жестикулируя своими тремя гвоздиками, сказала о славных культурных традициях древнего русского города Козельска. А директор единственной в городе платной гимназии сказал, что без Пушкина нет ни русской культуры, ни культурного человека, которыми мы все должны быть, и, кстати, только наша гимназия готовит самых культурных в городе людей, которые не уступят в культуре москвичам и петербуржцам. В завершение детсадовцы исполнили литературную композицию, прочтя по строчке поочередно и радостно: "Я памятник себе воздвиг нерукотворный!"

Нормальная скука, хотя и недолгая. Радиодевица пихала всем под нос свой микрофон, газетчик -- диктофон, фотограф приседал, забегал и щелкал камерой. Все как у больших.

После чего культурдама включила магнитофон с увертюрой к "Пиковой даме", а мэр отошел от машины, приблизился к зачехленному памятнику, продолжительно улыбнулся в фотокамеру и дернул за веревочку.

Все бурно заплодировали. Простынка сползла с бюста на горшки с геранью. Аплодисменты несильно взорвались и как-то вразнобой осеклись. Вот ладони начали сближаться для хлопка -- и вдруг перестали сближаться, а стали опускаться. А у некоторых -- подниматься. Директор гимназии прижал их к животу, а культурдама выронила гвоздики и прижала ладони к щекам, смазывая защитный крем и макияж. Капитан городской милиции сложил руки на гениталиях скорее рефлексорным жестом футболиста перед штрафным, нежели как фюрер, и выгнул спину. И только детсадовцы еще поплескали в ладошки и нестройно закричали "ура", но с детской интуицией ощутили непотребство своих действий и виновато стихли.

Мэр позировал перед памятником, как именинник перед пирогом. Непонимающе вперился он в лица, черты которых застыли в асимметричном беспорядке. Образовался стоп-кадр с открытыми ртами, словно хору обрезало фонограмму. Все мы не красавцы, но удивление как-то уж очень быстро стирает грань между богоподобным обликом человека и мороженой щукой. Мэр нырнул и оглянулся через плечо. И тогда все увидели и даже услышали, как у него сама собой опустилась молния на брюках.

На постаменте лоснился свежий чугунный бюст, и изображал тот бюст юного нордического красавца в локонах, на плечах которого вспушились разлапистые эполеты. Даже самый продвинутый фанат Пушкина не сумел

бы усмотреть здесь и отдаленное сходство с поэтом. Но при этом не походил он и на Лермонтова, Некрасова, Пржевальского и Маркса.

В поисках разгадки заинтригованные участники действия вспомнили о своей грамотности, с усилием перевели глаза с бюста на постамент и бросились читать и перечитывать надпись, вразумительно оповещающую:

Поручик

ЖОРЖ ДАНТЕС

1812--1895

Если ошеломить означает наполовину победить, то победа была полной. Зрелище настолько отшибало мозги, что в поисках реальности и логики всем даже показалось на миг, будто так и должно быть, и по какой-то причине, которую все просто упустили из виду, они и собрались здесь на открытие памятника именно Дантесу.

Отдав дань кошмара нетривиальному памятнику, перенеслись дикими взорами и помраченными умами на автора творения. Тут уже руки на подборюшье сложил мэр, а капитан милиции, напротив, переложил руки на кобуру. В этом средоточии внимания скульптор необыкновенно замедленно, впившись в Дантеса, поднял кулаки на уровень ушей подобно бандерильеру, мечущему стрелы в быка, рывками вобрал воздух и выпустил взмывшую фистулу:

-- Убью-ю-ю-ю!!!

Это выглядело так, словно он не может перенести вида убийцы Пушкина и сжигаем праведной мезтью. Реакция достойная патриота, но никак не объясняющая феномена живучести Дантеса и появления его здесь вместо убитого им поэта. Если бы это был не Дантес, а Ленин, все бы решили, что скульптор в белой горячке или же просто по привычке изваял того, кого ему заказывали всю жизнь. Но Дантеса, черт побери, никто же и никогда не лепил!..

За спиной скульптора и на приличествующем отдалении стояла группа его приятелей-ханыг, и они также выглядели скандализированными трансформацией памятника, который собственноручно устанавливали. Учитывая торжественность повода и время дня, они уже безусловно находились в пристойном градусе. Поэтому никакого злого или циничного умысла не было у того, кто первым обрел дар речи и с благородным возмущением пробубнил, имея в виду интонацией древнего анекдота осудить происходящее:

-- Идут, понимаешь, по площади два снайпера... мля! и один говорит: -- Слушай, не пойму я -- почему памятник Пушкину? Ведь Дантес попал! Ну?!

И тут напряжение лопнуло истерическим гогогом, непроизвольным и неудержимым. Визгливо хохотала культурдама со смазанным лицом, трубно ржал капитан, глюкал и хрюкал директор гимназии и раскатисто грохотал мэр, все приседали, тыкали пальцами, держались за животы, топали ногами, хлюпали, икали, стонали и падали. Детишки, разделяя общее настроение, залиvisto подсмеивались и прыгали на месте. Радиожурналистка в джинсах сжимала коленки и отползала в задние ряды - с ней произошла маленькая авария. Ханыги в паузы хохота вставляли от полноты чувств народные междометия, звучащие так любовно и уместно, что никого не шокировали.

И среди этой вакханалии судорог, колик и спазм бесчинствующих любителей отечественной словесности один только скульптор хранил каменную скорбь. Он раскачивался и утирал пот. И губы его беззвучно шептали традиционные слова, где самое приличное -- "суки".

Скандал вышел страшный. Первым опомнился фотограф: бешено защелкал камерой и удрал раньше, чем успели схватить: продавать уникальные снимки куда можно. Кара настигла папараццо вдогонку: мэр тут же проорал фотографа из газеты уволить.

Вторым привел себя в чувство этим криком сам мэр. Он продемонстрировал скульптору профессионально сложенный кулак с набитыми костяшками, пнул цветочный горшок в колено директору гимназии, кивнул капитану на памятник и хлопнул дверцей машины, отбыл прочь.

Капитан отрывисто приказал грузить бюст в луноход. Туда же втокнули скульптора и увезли обоих государственных преступников в ментовку. Зрители сопроводили это комментариями в том духе, что наконец-то Дантеса постигнет справедливое возмездие. Это тебе не либеральный царизм, жаль что только бюст, почки отбить не удастся.

Вторым рейсом в ментовку доставили и постамент, привели вещдок в комплектное состояние. Раймилиция бросила изображать работу и сбежалась смотреть. Им в лицах пересказали событие, все долго и счастливо хохотали, а отсмеявшись взялись за скульптора. Треснули пару раз для большей вразумительности и начали снимать показания.

Скульптор побои принял с пониманием, почти поблагодарил за сдержанность, и изъявил полную готовность чистосердечно и бескорыстно помочь следствию всем, чем может.

Вам известно, как этот бюст оказался на месте, предназначенном для Пушкина?

Нет! Клянусь -- нет! Неизвестно!

Так. А где же Пушкин?

Не знаю! Я сам его устанавливал! Не знаю!

Что же он -- пешком ушел? Так у него ног нет, это бюст. Или его опять в ссылку отправили? Или не понравилось ему у нас? -- пошутил капитан, который вел допрос лично: ему было любопытно.

Клянусь -- ставил! Не знаю!

Хорошо. Так и запишем. А вы вообще кого делали?

Я делал. Я делал Пушкина. Есть свидетели. Комиссия принимала.

Это мы проверим. А кто же сделал Дантеса? Это -- Дантес? -- спросил для верности капитан, не знакомый, как и большинство людей, с внешним обликом знаменитого убийцы-кавалергарда.

Возможно, -- неохотно ответил скульптор.

Что значит -- возможно? А кто ж это -- маршал Жуков? Надпись соответствует? -- соответствует! Ты давай не юли! Так и запишем: "Бюст, идентифицированный согласно надписи... как поручик... Жорж Дантес..." Так... Вам известно, кто его сделал?

Известно...

Ага. Уже хорошо. Назовите фамилию.

Да чего там...

Точнее.

Я...

Что -- "я"?

Изваял...

Кого изваял?

Дантеса.

Кто?

Я.

Вы?!

Я...

Дантеса!?

Но и Пушкина тоже!

Зачем???!!!

Пушкина? К юбилею.

Дантеса!!!

Ну, так вышло...

Как вышло?! Тоже к юбилею?!

Ну... получается да.

Зачем???!!!

Это была моя ошибка... -- поник скульптор повинно.

Что значит "ошибка"?! Как можно так ошибиться, чтобы к юбилею Пушкина сделать памятник Дантесу?! Вы что, не любите Пушкина?!

Я люблю Пушкина! -- горячо опроверг скульптор.

Вы, может, не русский?..

Русский, -- после крошечной паузы с достоинством ответил скульптор.

Вы вообще Пушкина от Дантеса отличить можете?!

Вообще -- да.

Это вот кто?!

Видимо, Дантес.

Что значит "видимо"! А где Пушкин?!

Наверно, у цыган.

Каких цыган?..

Кочующих. -- Скульптор устал и озлобился.

Где?

По Бессарабии. Шумною толпой.

Не понял. Что делает Пушкин у цыган?

Шампанское пьет.

Ему было необходимо опохмелиться.

-- Я за ним следить не приставлен, -- сказал он. -- Не жандарм, слава Богу. Вы милиция -- вот вы и ищи те, где Пушкин.

Капитан применил легкую степень физического воздействия -- привстал и через стол дал ему в ухо.

Говори толком,-- рявкнул он,-- ты все-таки кого больше лепил -- Пушкина или Дантеса?

Больше я лепил Ленина.

А как же вышел Дантес? Семейное сходство?

Скульптор пожал плечами.

М-да. Талант. Да я б тебе даже Троцкого не доверил лепить!

Тебя об этом Троцкий сам просил? -- поинтересовался скульптор и для симметрии получил в правое ухо. -- И хватит руки распускать... Майк Тайсон! Ты еще ухо мне откуси! Каннибал!

Кто каннибал? -- зловеще спросил капитан.

А кто меня хотел заставить Троцкого лепить?

При чем тут Троцкий?..

А при чем тут каннибал?

Капитан помолчал и спросил проницательно и мирно:

Тебе что, опохмелиться надо?

Ну. А то нет.

Так бы и сказал. -- Он вышел и вернулся со ста каном, где было

граммов сто пятьдесят.

А закусить?

Занюхаешь,-- хмыкнул капитан и подержал у него под носом кулак. -- И давай сотрудничать со следствием, хватит коту бейцы крутить. На, закуривай. Итак. К юбилею Пушкина ты больше лепил Ленина, но на этот раз получился Дантес. Кто здесь дурак -- ты или я?

Вам виднее.

Под дурдом косишь? Излагай по порядку, не своди органы с ума.

По порядку оказалось следующее.

Опохмелившийся скульптор частично восстановил свои умственные способности, травмированные происшедшим, и сделал заявление: прежде всего он хочет представить оправдательный документ. Заинтригованный капитан отправил на квартиру скульптора сержанта с ключами и инструкциями. Был доставлен красивый бланк с французским флагом, французским же, вероятно, текстом и печатью. Внизу красовалась размашистая подпись.

Это что?

Это благодарность Министерства культуры Франции.

Кому?

Мне.

За что?

За Дантеса.

Что-о?.. Читай!

Я не знаю французского.

Капитан шумно вышел и подержал голову под холодным краном. Потом он выпил стопарь, понюхал нашатырь из аптечки и вернулся почти в здравом рассудке.

Французский знали два человека в городе: референт мэра и учительница французского из платной гимназии. Учительницу привезли. Она стала читать, вытаращила глаза, ахнула и засмеялась.

Ну?

Здесь есть ошибки.

Ничего себе министерство культуры!

Это не министерство культуры.

А что же это?! -- дуэтом спели жертва и палач.

Читать как есть?

Переводи!

На бланке написано: "Министерство самых глупых художников за границами Франции".

Блядь... -- сказал скульптор. -- Простите, пожалуйста, это не вам.

Дальше переводить? "Мы искренне благодарим этого дурака за его работу. Для небольшие деньги он может делать памятник даже про козел. Но эта работа помогает для торжество справедливость. Просьба для власть не наказывать его строго. Подпись: помощник старший ассенизатор Жорж Клемансо".

Так, -- сказал капитан. -- Да. Это документик. Ничего не скажешь. По существу. Впечатляет.

Ну, блядь, -- сказал скульптор. -- Простите, пожалуйста, это не вам.

Так. Гм. А на печати что?

А на печати: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь".

Соединились на нашу голову. И что вы можете про это сказать?

Я? Про это? Что Клемансо давно умер.

-- Ценная информация. Ну ничего... Мы этих... помощников старших ассенизаторов... еще вые... найдем!!

Учительницу прогнали пешком. Скульптора трижды треснули по башке телефонной книгой и вытянули наконец раз дубинкой по почкам. И капитан лишний раз утвердился во мнении, что подобные процедуры надо проводить сразу, без ложного гуманизма. Потому что скульптор резко перестал острить, и из него тут же вылетела нужная информация. А именно:

Через несколько дней после того, как бюст Пушкина был преждевременно поставлен на полагающееся ему место, к скульптору в гости пришла юная пара приличного вида. Лет по двадцать, а точнее кто их разберет. Они спросили, может ли он принять заказ на срочное изготовление чугунного бюста, и даже достали бумажку с размерами. Скульптор объяснил, что он сейчас без мастерской, так что трудно, но вообще можно воспользоваться мастерской знакомого. Парочка намек поняла, и парень сказал, что готов сразу дать пятьдесят долларов аванса. Сошлись на ста, учитывая цену глины, литья, квалификацию скульптора и общую трудность жизни. После чего девушка вынула из сумочки два сложенных листка -- один старой и желтой бумаги, а другой -- свежую компьютерную распечатку. На обоих были гравюрные портреты в стиле девятнадцатого века, изображающие юного красавца в мундире с эполетами. На старом листке, вырезанном явно из книги, портрет был маленький и в три четверти, а на новом -- крупно, анфас, и не очень четко. Подписей под ними не было.

Парень сказал, что это его дальний предок, дворянин и русский офицер. И теперь он, восстановив свою родословную, хочет поставить ему

памятник. Деньги есть, но лишний блеск ни к чему, нужен хороший вкус.

Польщенный и обрадованный заказом скульптор ничего странного здесь не усмотрел. На парне были дорогие часы, дорогие кроссовки, цепь на шее, но на бандюка он похож не был, а скорее юный бизнесмен или сын нового русского. Сейчас модно искать аристократический корень своего генеалогического древа. Тем более, он сказал, что предок был французского происхождения.

Скульптор взял столярник, отметил эту удачу и новый рост своей славы, и приступил к исполнению. В мастерской приятеля, коли уж речь зашла, тоже пропададо несколько старых заготовок Ленина. Он выбрал нужный размер и одного довел до кондиции заданного портрета.

Принимать бюст заказчики пришли уже впятером, но он не придал этому значения. Глиняный оригинал понравился и был одобрен. Договорились, что через три дня художник сгрузит уже чугунный здесь же, у мастерской, а те будут ждать и заберут сами; тогда же и полный расчет.

Так и произошло. В тот день шел дождь, и компания ждала его у подъезда, не вылезая из вишневой "Нивы". Бюст перегрузили из попутного грузовика, подряженного художником на заводе в облцентре, в их "Ниву", заметно просевшую на рессорах, Скульптору честно отдали второй столярник. А кроме того, парень торжественно сказал, что у него есть для скульптора награда. Они зашли в мастерскую, выпили за память предка, и под аплодисменты друзей заказчик вручил скульптору этот красочный бланк. Он сказал, что его предок был во французской истории не последним человеком, а Франция очень щепетильна по части своего исторического наследия, и когда он сообщил своим недавно найденным, очень далеким, но родственникам в Париже о том, что ставит их общему предку памятник, те страшно прониклись, написали в газете и получили для автора памятника благодарность Министерства культуры Франции -- там это вполне принято: пустяк, но все-таки дорогое внимание.

А где похоронен-то предок? Да не так далеко. А фамилия-то как? Парень сказал: не то Нерегек, не то Ме-регек. А твоя-то как? А вот не суйся, отец, не в свои дела, сказала на это компания. С тем и укатили. И больше их скульптор не видел.

А увидев сегодня этот бюст, он был потрясен до помрачения рассудка. Тем более такая надпись! Клянется -- не подозревал!

Номера вишневой "Нивы" он, разумеется, не запомнил. Но внешность юной парочки описал с профессиональной детальностью. Парень был ростом около ста восьмидесяти, атлетического сложения, скуластый, светлый, стриженный под ежик, с круглым подбородком и прямым сжатым

ртом, глаза серые, уши маленькие. Девушка же невысокая, фигура очень хорошая, прямо идеальная, классическая фигура и идиотски сожженные "кислотные" волосы -- не то чтобы вовсе панк, но с отчетливым оранжево-фиолетовым переходом, а лицо продолговато-стандартное, чуть припухлое, носик вздернут, верхняя губка короткая, общее выражение чувственное и даже готовное, очень сексапильная девушка.

По этим характеристикам наблюдательного скульптора составили фотороботы и раздали нарядам. Так что когда позвонили из канцелярии мэра и поинтересовались успехами, капитан отрапортовал, что преступники установлены, осталось только идентифицировать. Это как?.. Это так, что мы уже знаем, какие они, осталось только узнать кто. Идиоты... ройте быстрее! Так точно. Пока идиоты рыли, капитан пролистал свежую прессу, полную юбилейных статей, и отчеркнул абзацы про Дантеса.

Как, говоришь, они тебе назвали фамилию якобы предка?

Ну, типа Нерекек... -- услужливо наморщился скульптор. -- Или Керенег... что-то такое от нарцисса с керогазом.

Капитан обвел ручкой в газете:

А может, Нереккег?

Может... очень похоже.

Что ж ты такой тупой. Кроссвордов не решаешь? Барона Геккерена не узнал... лох! А еще Ленина лепил, а?..

Скульптор схватил газету и мучительно замычал.

В назидание эстетам надо отметить, что пока искусство мычало, милиция работала. И что вы думаете? -- нашла! Их взяли в девять вечера у дискотеки "Артемон". Повязали как миленьких и привезли в ментовку.

Сначала они фордыбачили. Пришлось немного вразумить. Показали Дантеса. Показали скульптора. Провели очную ставку: они! Показали дубинку.

Посмотрев на дубинку, парень ухмыльнулся и сказал:

-- Ну, как хотите. Пишите: фамилия, имя, отчество.

И, сделав таким образом шаг навстречу следствию, немедленно оказался сыном мэра.

Следствие попятилось. Милиция не любит попадать в яму, которую по долгу службы роет другим. На Дантеса, в конце концов, глубоко плевать, да и Пушкин, хоть и национальный гений, все-таки не отец родной, а мэр -- это мэр. Говорят: Пушкин -- это наше все. Это преувеличение. Не совсем все. Наше все -- это местные власти. Платит тебе не Пушкин, и неприятностей нужно ждать не от него.

Капитан позвонил мэру с почтительностью массажиста. Мол, глубоко деликатный вопрос, тут ваша семья может быть затронута, не почтите ли присутствием.

Мэр прибыл на разборку, вник в вопрос и в ярости явил такую крутизну чувств и посулов, что случись это в тринадцатом веке -- быть бы татаро-монгольским полчищам заваленными и разогнанными. Юпитер, мечущий грома и молнии, рядом с ним показался бы голубем мира, пьющим бром.

Когда барабанные перепонки отказались выполнять свои функциональные обязанности, а мозги подали заявление о переходе на другую работу, мэр сказал, что займется делом лично.

И в результате его личных занятий выяснилась история, вполне характеризующая натуру козельцев по-своему не менее ярко, чем его древняя героическая оборона и убийство послов.

Милые детишки учились в той самой аристократической платной гуманитарной гимназии, директор которой столь прочувственно говорил о культуре и ее наглядном наследии. Там собрались лучшие учителя города, и им платили зарплату, достаточную для того, чтобы молодая и незамужняя учительница литературы, окончившая Петербургский университет и теперь подыхающая в этой глуши от скуки, малокультурья населения, а главное -- от отсутствия регулярной личной жизни, возымела, явно в порядке сублимации, высокопедагогическую глупость устроить с десятиклассниками диспут на тему, должен ли был Пушкин рисковать своей жизнью, драгоценной и бесценной для литературы и потомков, дабы следовать идиотскому светскому предрассудку и идти на дуэль с каким-то недоноском. Она, конечно, гнула к тому, что стреляться было недопустимо, что Пушкин принадлежал не себе, а истории и стране, и должен был стать выше этой мерзкой интриги.

Вполне естественно, что школьники высказывали и другие мнения. Что Дантеса можно было просто заказать. Что можно было обратиться в частное сыскное бюро, и его скомпрометировали бы так, что изгнали не только из славных рядов кавалергардов, но вообще линчевали бы. Что Пушкину следовало как минимум брать уроки стрельбы и стрелять только из знакомого пистолета.

И тут учительница сделала промашечку. Она раскрыла какую-то книгу с портретом Дантеса и пустила по рядам. И когда школьники увидели мужественного юного красавца, и сопоставили с репутацией Натальи Николаевны как блестящей красавицы, и сравнили с портретом Пушкина на стене кабинета литературы, где и дискутировали, они как-то задумались.

Ибо Пушкин на портрете красавцем не выглядел, и таковым никогда не числился.

Девочки сказали, что ревность в мужчине отвратительна, это чувство собственника, и даже странно, что Пушкин мог быть таков.

Мальчики же заявили, что, несмотря на внешность, если серьезный человек берет телку замуж, то ее дело -- лизать его без остановки, и следовало просто спихнуть ее на лестнице так, чтобы она свернула себе шею, и дело с концом. Нет, а Дантеса, конечно, заказать. Пушкин ее взял из глуши, поднял, содержал в роскоши, так она еще хвостом вертела.

Тут учительница возразила, что Пушкин был вечно в долгах, жизнь дорогая, жена мотовка, денег всегда нехватка, дело не в уровне жизни, а в вещах более глубоких.

Класс серьезно задумался. Если Пушкин был стар, лысоват и беден, то на что он рассчитывал, женясь на красавице? А Дантес -- крутой: лейб-гвардеец, стрелок, здоровый, связи в дипломатических кругах. Так он ее, простите, Светлана Олеговна, трахал или нет? Уж чтобы для ясности.

Учительница пошла пятнами и закричала, что это ужасный цинизм, ничего не было, просто было компрометирующее поведение. Это как? Ну... глазки строил, визиты делал.

И за это -- вызывать на дуэль? Хм, а что же тогда Дантесу оставалось делать?.. В конце концов, он же не виноват, что баба понравилась. Что же, вообще подойти нельзя? Его бы за отказ от дуэли тоже, наверно, все презирали. Нет, Пушкин, похоже, был не совсем прав. Явно погорячился. Что их, развести не могли?

Девочки начинают задавать вопросы, а как был сам Пушкин насчет верности жене? Нет, все мужчины, конечно, одинаковы, но все-таки Пушкин -- может быть, он-то был верным мужем? Учительница начинает сбиваться и путаться, что не в этом дело, дело тут не в верности, а в чести. Бросьте крутить, Светлана Олеговна, ходок был Пушкин, да?

Девочки, как у вас язык поворачивается! Вы понимаете, что речь о великом гении русской поэзии! Ясно, говорят девочки, ему можно, ей нельзя: это мы проходили. А ей, значит, и не пофлиртовать с красивым мужчиной. Кстати, у нее дети были? Сколько?! Четверо, а всего шестеро?! Ничего себе!.. Мать-героиня... бедная. А это правда, что она еще не всех доносила? А сколько лет было? Двадцать пять?! Это она уже столько детей родила, и вот, под конец молодости... так что ж, если ей захотелось от этой жизни хоть трахнуться на стороне, так муж уже с волюной по стриту забегал? "Вот скотина..." -- отчетливо произнес кто-то, и учительнице почти стало дурно. Самое ужасное, что ей тоже было двадцать пять лет, и

она представила себя в положении Натальи Николаевны, и представила Дантеса, и осудила ее еще раз в душе страшно, но чувства совершенно же разделила.

А мальчики интересуются дальнейшей судьбой Дантеса, и выясняют, что женился он вообще на сестре Пушкинской жены, и уволили его из рядов вооруженных сил без пенсии, и вынужден он был свалить за бугор и, можно сказать, провел жизнь почти в бегах и бедности. И находят это несправедливым, потому что разборка была честной, а предьяву Пушкин сделал не по понятиям.

И все начинают жалеть Дантеса, потому что это что же -- все против него, от грязи не отмыться, а в чем он, собственно, виноват?

Все это, заметьте, те самые дети тех самых полукриминальных воротил районного масштаба, хапнувших кусок в период дикого накопления начального капитала, которые дети, по уверениям и прогнозам либеральных культуртрегеров, должны стать образованными, моральными, меценатами, чистыми душой от грязных денег отцов. Третьяковы, Щукины, Саввы Морозовы. Мол, всегда так бывает. Трудно сказать, как бывает всегда, но что деньги родителей придают детям самостоятельности отношения даже к устоявшимся фактам истории -- это точно.

Потому что класс стал резко хуже относиться к Пушкину. Юношеский негативизм, что вы хотите.

Возможно, главная причина тут в том, что в душе они стихов Пушкина не любили. Может, не доросли. Школьники вообще не любят того, что изучают по обязательной программе. Предпочитали они из поэтов Гребенщикова и Иртеньева, а из прозаиков -- Бушко-ва и Дашкову. И теперь они не только друг другу стали признаваться, что от "Капитанской дочки" их тошнит и читать скучно, а "Дубровского" так просто невозможно, язык сломаешь и вообще никак, -- они в этом учительнице признаваться стали.

Там был в классе очкастый один сомнительной внешности, так этот несчастной учительнице просто печенку выел.

-- С чего бы это, -- спрашивает, -- русалка на ветвях сидит? И как она со своим рыбьим хвостом на дерево забралась, и с какой целью?

Над этим моментом учительница никогда не задумывалась. Ну, мифологический образ. А класс ржет обидно и нагло. Ну негде им прочесть, что древнерусская русалка -- полуптица, а не полурыба, это как-то обычно мимо комментариев к тексту проскакивает.

А телевизор каждый день долбит, сколько дней осталось до дня рождения Александр Сергеича, и как весь народ его читает -- от дошколят и бомжей до банкиров и политиков. И если раньше класс при этих кадрах

слегка терзался своей низкой культурой и непониманием классической поэзии, то теперь приходит в дикое раздражение и считает это все фальшью и враньем. Пospорили с учительницей: стали подряд останавливать перед гимназией на улице людей и предлагать процитировать четыре строчки Пушкина. Примерно треть говорила: "Мой дядя самых честных правил". Из этой трети еще половина помнила чудное мгновенье. Прочие стеснительно пыхтели или же говорили слова, отсылающие реже к Пушкину, а чаще гораздо дальше.

Из чего класс сделал вывод, что любовь народная -- такое же вранье, как политика, налоги и здоровье алкоголика-президента. И прав был Пушкин -- нечем тут дорожить.

Эта война дошла до директора, и он натянул учительницу по самые помидоры. Простите, ради Бога, грубую непристойность вполне устойчивой идиомы, не включенной в литературную норму, но исправно входящую в активный лексическо-грамматический запас большинства населения. Это школьники так и выразились, когда любимая учительница вышла из директорского кабинета пунцовая и вела урок с истерическими нотами: "Натянул дир наш Светлану Олеговну по самые помидоры".

Учительница в ультимативной форме заявила, что Пушкин -- гений, а они -- кретины и сволочи!.. На дворе стоял конец марта, и у нее был сексуальный невроз. Она была сочная брюнетка с огненными глазами, а мужика у нее не было, поэтому были головокружения, ночная потливость и эротические сновидения. Вот она и дергалась. И если она думала, что семнадцатилетние школьники все это не понимают -- она это зря думала, потому что школьники все видят, и даже в одиннадцать лет такие вещи понимают прекрасно и называют своими именами. Но уж эти имена мы здесь приводить не будем, это чересчур. Хотя эти слова тоже все знают.

Что все знают -- плевать, вот что Пушкин их знал -- это открытие класс поразило. Они подозревали это, но подозревать -- одно, а убедиться -- другое. Это опять гнусный очкарик устроил.

Он полез в Интернет и нарыл, падала незрелая, в самой полной в мире библиотеке американского конгресса дополнительный том к самому полному собранию сочинений Пушкина, вышедший в Берлине в одна тысяча девятьсот двадцать девятом году. И в известном письме, написанном из Михайловского в тот же самый день, когда и стихи "Я помню чудное мгновенье", со злобным и радостным изумлением прочел то, что знатоки и так всегда знали, ну, это самое: "Вчера ко мне приезжала Анна Керн, и с Божьей помощью я ее ***л".

Очкарик, переживающий трудности пубертатного периода, был

ошеломлен, потрясен и так далее. Когда потрясение прошло, он отпринтовал текст и назавтра приволок его в свою платную гуманитарную гимназию.

Но сам прочесть не решился. И дал сыну мэра, которому, естественно, все было по фигу. И тот на уроке литературы встал и спрашивает:

-- Светлана Олеговна, вот тут у нас есть письмо Пушкина. Можно прочесть?

Учительница все-таки кончала петербургский филфак и сразу почувствовала, чем тут дело пахнет и в каком духе это письмо. Именно это письмо она тоже знала, только в пересказе. Поэтому читать категорически запретила, и скверный недоросль огласил текст без разрешения, под ее негодующие и протестующие вопли.

-- Ну? -- спросил он. -- И вот это, значит, как вы на прошлом уроке читали нам у Белинского, тот самый русский человек в своем развитии, которого достигнет только через двести лет? Так как раз двести лет прошло. Достиг! И вот мы здесь! Мы вам нравимся?

От этой наглости и от своего бессилия учительница зарыдала. Класс, надо отдать ему должное, стал ее утешать и просить не принимать близко к сердцу пошлость всяких писем и связей, даже у великих поэтов. Но рыдала она долго.

Они ее подломили этим письмом. Она очень гордилась своей миссией: приобщать детей в глуши к великим вершинам бессмертной русской литературы. А ее -- вот так... Она чувствовала себя лидером и проводником культурного прогресса, и вот ее лидерство немного лопнуло. И впору было увольняться, но боль ше нигде в городе нельзя было учителю литературы рассчитывать на зарплату.

И тогда она заключила с классом диковатый, хотя и внешне прекрасный договор: они будут хорошо готовиться к урокам, а в конце каждого урока честно отводим шесть минут для Пушкина: три им, и три ей. И через короткое время она им покажет, какой великий поэт был Пушкин, какой блестящий человек, и они все поймут, осознают и повзрослеют.

Так началась эта окопная схватка на Олимпе, эта битва земного и небесного начал за душу поэта.

На первый же урок литературы сын мэра пришел демонстративно поддатый. Не сильно, но с запахом. И в ответ на замечание заявил:

Да, Светлана Олеговна, пил. Причем полночи. С двумя лейтенантами в офицерском общежитии -- знаете, на Благовещенской? А теперь скажите: почему это плохо, если лицеист Пушкин пил по ночам с офицерами тоже, и это было хорошо?

Это были гусары!., боевые офицеры, они вернулись после победы над Наполеоном из Франции, принесли высокие идеи Французской революции! Они читали стихи!.. Там был Чаадаев, трагический философ!..

Но получила крепкую домашнюю заготовку:

А это мотострелки, тоже боевые офицеры, они вернулись из Чечни. И мы пели Высоцкого! Что ж, если они не победили, а Чаадаев давно умер -- то пить нехорошо? А с гусарами ром трескать -- это, значит, хорошо?

Они пили шампанское!

У них зарплаты были другие. А лейтенантам полгода не платят, водку я покупал. Объясните: почему когда пьет Пушкин -- это хорошо, а когда пью я --это плохо?

Потому что пьяниц много, а Пушкин один, балда вы, простите меня, пожалуйста!

Да пусть он Пушкин, я не спорю, но чего хорошего, что он пил?! Это что -- пример для подрастающего поколения? Из двух одно: или пить плохо всем, или хорошо всем! Нечего идеализировать!

Потом они вцепились в то, что Пушкин был лодырь и имел массу двоек.

-- Когда у нас кто чего не выучил, так сплошные выговора, а как Пушкин лодырь -- так это милая шалость. Вы не находите, что это несправедливо, Светлана Олеговна? Это необъективное, предвзятое отношение! Что он ни сделает -- все хорошо! Пьет -- мило, лодырничает -- мило. И это, значит, образец для всех нас?

Ночью бедная учительница имела виденье, неподвластное уму. Она сидела на ветви, нагая, и это было естественно и легко, иногда она даже парила над этой ветвью. Грудь у нее была удивительно упругая и красивая, и она радостно открыла, что не замечала этого раньше. Огорчало только, что вместо ног теперь рыбий хвост, но хвост выглядел совершенно как ее ноги, и, убедившись в этом, она перестала беспокоиться. Розовато-сиреневое пространство было ее свадьбой, и это пространство представляло собой учительский стол, на котором стояла бутылка водки. А по двум сторонам стола сидели Пушкин и Дантес и играли на нее (нее ли?) в карты. Пушкин был в черном сюртуке, а Дантес в белом мундире, и она отметила, что сознательно сравнивает их с добрым чертом и злым ангелом, и постеснялась литературности этого сравнения. Карты воздушно трещали, как лопасти вентилятора, но сделалось понятно, что это поет соловей. Они уже выиграли ее оба, но она оттягивала конец игры: ее ужасала преступность блаженства, которое за этим следовало. Но никаких дикостей шведской тройки, к счастью и облегчению, не оказалось: ветка, на которой

она давно сидела, на самом деле была огромным фаллосом, потому и сиделось на ней так легко и приятно, наслаждение стало нестерпимым, и это и были Пушкин и Дантес одновременно, и перед тем, как закричать, она успела подумать, что теперь ее обязательно выгонят из школы.

Она проснулась в горячем поту, со слезами на глазах, рывком села в постели. Несколько раз порывисто вздохнула, потрясла головой и пошла под холодный душ. "Бром пить надо", -- сказала она зеркалу, засмеялась, постелила свежую простыню и плюхнулась досыпать в чудесном настроении.

В классах, где учатся дети мэров, редко случаются проблемы с деньгами на экскурсии, и на весенние каникулы учительница вывезла группу хулителей поэта в Петербург. К стати о хулителях. Сам факт их наличия по идее свидетельствует, что Пушкин все-таки кое-чего стоил, если два века спустя он мог вызвать такие страсти у юных людей, которым и своих проблем хватает выше крыши. Это она сказала им в самолете, и они вынуждены были с ней согласиться. Хотя есть и другое объяснение, характера более общего: скажи молодому "стрижено" -- и он ответит "брито", то есть плевать с чем не соглашаться, главное -- отрицать ценности старшего поколения. Вечные проблемы отцов и детей. Впрочем, о юношеском негативизме мы уже упоминали.

Главной целью учительницы было отвести их в музей-квартиру Пушкина на Мойке, где один ее однокашник работал младшим научным сотрудником. И вот с этим посещением она допустила очередную ошибку. Она-то полагала, что школьники проникнутся духом пушкинской поэзии, прикоснувшись к святыне, --но, как говорил папа-Мюллер, "мы не сможем понять логику непрофессионалов". А ее милые школьнички не были профессиональными поклонниками русской поэзии, они были совершенно обычными ребятами с гипертрофированным самомнением, что типично для детей новых русских, да и вообще всех состоятельных людей.

Они оценили класс квартиры -- "ничего себе хоромы, да еще в ста метрах от царского дворца, райончик приличный", -- но, довольно равнодушно внемля экскурсоводу, составили коварный план. С особенным цинизмом, как выражаются протоколы и Уголовный кодекс, они изобразили необыкновенный интерес к рассказу, лстиво поели глазами однокашника-мэнээса, одетого по зарплате во все самое непрезентабельное, и мальчики пригласили его с дипломатической вежливостью и достоинством где-нибудь после работы посидеть и рассказать им еще о Пушкине. У учительницы же на вечер была назначена встреча с петербургскими подругами, отказаться от которой было выше ее измученных сил. Итак,

вечером в номере гостиницы они аккуратнейшим образом подпоили двадцатипятилетнего мэнэеса и стали провоцировать на выдачу служебных тайн: сколько Пушкин зарабатывал, сколько тратил и на что, и вообще как у великого поэта было по части фанаток и спонсоров.

Подсчет денег и трат великих гениев прошлого есть одно из слабых мест нищих мэнээсов. И любители подноготной узнали от слабого на банку гуманитаря, в опьянении особенно гордящегося своими познаниями, ибо больше ему было гордиться нечем, что проигрывал Александр Сергеевич бешеные тыщи и десятки тысяч в картишки, что жил не по средствам, ведя при своем приличном достатке бурную жизнь столичного аристократа, что приданое жены пристроил с редким умением и скоростью, и что после смерти долгов за ним осталось больше ста тысяч -- при том, что двадцать тысяч в год были прожиточным уровнем самой что ни на есть золотой молодежи и сливок аристократии. Долги заплатил царь из уважения к памяти и таланту поэта. А сам поэт при жизни закладывал и продавал драгоценности и шали жены, устраивая ей сцены, если она смела оплакивать свою жизнь. Если бы эту лекцию услышала дирекция музея, она вышибла бы мэнэеса вон немедленно.

На школьников это произвело сильное впечатление. Это и сейчас влезть на сто штук грин -- круто, а тогда на столько же золотых рублей, при том что чиновник мог получать в месяц сорок рублей, на них снимать квартиру и содержать служанку, -- да, это неслабо. Черт возьми, что же за песни о нищете им пела милая Светлана Олеговна? Да он сорил деньгами, как лох, кто ж ему виноват? А царь, черт возьми, достойный же человек, оказывается. Мог ведь этих долгов на себя и не брать, такие бабки и царю не лишние.

И как умелые провокаторы, они стали поддевать исправно хлопающего рюмки мэнэеса, что не может этого быть, Пушкин был верный муж, как же он мог продавать брюлики жены, это мэнээс свистит.

-- Верный муж! -- сардонически захохотал гнилой филолог, и в ответ стал рассказывать историю, давно известную пушкиноведам (одним -- как реальную, другим -- как гнусную), как Пушкина застукали под кроватью у Долли Финкельмонд, и как там насчет свояченицы, и вообще ходок и распутник (он употребил другие слова) был известный, немалое стадо почтенных мужей оснастил рогами, это все знали, и репутацией своей весьма гордился.

Вообще если всех сотрудников музеев Пушкина допросить на детекторе лжи, народ узнал бы много нового об истинном отношении к поэту со стороны тех, кто кормится на его памяти. Для психологов только

ничего нового тут не будет: с кого кормлюсь, от того подсознательно и хочу освободиться, и к тому ищут всяческие аргументы. Дорожить или нет любовью этого народа -- личное дело каждого, но цену ей знать надо.

В сознании также подвыпивших школьников вырисовался абсолютно отрицательный образ прелюбодея и чуть ли не кидалы, не отдающего долгов. Это глупости, что современная молодежь испорчена: так всегда говорили. В душе современная молодежь так же романтична и взыскует идеалов, как и во все времена. И наши школьники почувствовали себя оскорбленными в лучших чувствах. Раньше они все-таки не очень сами верили в свой эпатаж -- ну так, себя показать, ум явить, самоутвердиться. Но когда специалист по Пушкину, работающий в его квартире-музее в Санкт-Петербурге, такое говорит --господа, да где же в жизни святое?! И вот этой фигуре им приказывают поклоняться и объявляют идеалом человека?

Одна девочка даже заплакала и сказала сквозь слезы:

-- Какое гнусное лицемерие!..

А мальчики выражались уже как те лейтенанты в казарме.

Что же касается Дантеса, продолжал разливаться перед благодарными слушателями мэнээс, то Пушкин распускал слухи и делал намеки насчет того, что Дантес -- пед и любовник голландского посла, усыновившего его, потому что был бездетен, а Дантес был сирота. Когда Пушкин вызвал его, секунданты Дантеса всячески предлагали мягкие условия дуэли, но Пушкин настаивал стреляться с полной серьезностью, и добился своего. Кстати, после дуэли кавалергарды единогласно подтверждали безупречность поведения Дантеса.

-- Твою мать, -- спросили все, -- так чего же от Дантеса хотят? Чтобы он оскотился и застрелился? Потому что Пушкин -- великий поэт, и ему все можно? Кстати, -- он правда так велик?

Мэнээс сознался, что на его взгляд и вкус Баратынский был не худшим поэтом, чем Пушкин. И вообще ни Жуковский, ни Вяземский не считали Пушкина выше себя -- скорее наоборот.

-- А как же толпа простых людей, стоявшая день и ночь на улице у подъезда умирающего?

Мэнээс захохотал и подавился. Подл пьяный интеллигент.

-- Какая толпа? Каких простых людей? Сочинения поэта издавались тиражами от одной до трех тысяч максимум, и читали их люди исключительно образованные, составлявшие узкий круг и тонкий слой -- вроде как сегодня в Москве какие-то литературные страсти кипят, а кроме тысячи от силы человек литераторов, критиков и профессоров, плюс пара

сотен фанатов, ни кто ничего даже не подозревает.

В четыре часа утра мэнээса отвезли домой на такси, и, к чести юного поколения надо признаться, по дороге обсуждали вариант скидывания его в Мойку с такой серьезностью, что таксист забеспокоился и предложил их высадить тут же. Из двух одно: или врет сволочь мэнээс, или Пушкин и правда здорово не того...

За завтраком учинили допрос учительнице. И по тому, как она пошла пятнами, и завертелась, и замычала, и запротестовала, стало ясно, что мэнээс не врал. И от этого, что интересно, стал восприниматься точно же как сволочь: знает одно, а говорит другое... и лишает людей последней надежды на все светлое.

С тем вернулись догуливать каникулы дома.

А первого апреля сын мэра преподнес любимой учительнице шутку вполне в духе Дня дураков.

-- Светлана Олеговна,-- спросил он невинно и даже тоном, как бы просящим совета,-- мне один большой человек в другом городе, ну, вуз там хороший, подступать думаю, предлагает жить в его доме, всем пользоваться.

-- Гм. И что же?

-- А у него жена молодая, я ее видел, и, кажется, она ко мне задышала. Как вы думаете, если у меня с ней что-нибудь будет -- это ничего? Или нехорошо?

-- Как вы можете! -- застонала учительница. -- Боже, и еще с таким вопросом!

-- Подумаешь, -- пожал плечами юноша. -- Разве наставить рога доверчивому мужу -- это не забавно?

-- Господи, откуда в вас столько цинизма?

--- А почему Пушкин мог жить в доме графа Воронцова с женой графа Воронцова, жрать и пить на деньги графа? -- заорал юный негодяй. -- А на графа писать еще эпиграммы? А по службе ни фиги не делать? Это ж надо найти себе работенку -- бороться саранчой! А когда у него спросили отчет - чего делал, мужик? -- так он написал: "Саранча летела, летела и села. Села, посидела и дальше полетела". И за это получал зарплату от государства? В гробу я видал такой пример для юношества!

На первое мая компания этих падл отправилась в Михайловское и там два дня пила с сотрудниками тамошнего музея. И собрала компромата больше, чем потребовалось, чтобы посадить министра юстиции России, который по сравнению с молодым Пушкиным выглядел просто отшельником-богомольцем. Там им нарасказали, что Пушкин жил с

сестра-Вольф из Тригорского и "развратил их, как сладострастная обезьяна", но не брезговал и крепостными девками, а поскольку девки имеют от природы обыкновение рано или поздно беременеть, то получается, что у Пушкина были собственные дети от крепостных, что вообще было отнюдь не редкостью в те времена, и, значит, собственные дети Пушкина были его же крепостными и, выросши, должны были работать на него и его законных детей, как рабы, могли быть проданы и т. д. Рассказы эти отдавали явной завистью, но довольно полно совпадали с книжицей "Любовницы Пушкина", каковую познавательную книжку школьники купили в киоске непосредственно на станции.

Назад группа вернулась какой-то ячейкой движения за свержение культа Пушкина и реабилитацию Дантеса.

Они сказали учительнице, что любовь не может быть всеобщей и обязательно-приказной, что отношение к поэзии -- личное дело каждого, и они предлагают разговоры о Пушкине впредь оставить. Они им сыты по горло. Буря мглою небо кроет. Где же кружка. Отчизне посвятим. Не сотвори себе кумира.

Разумеется, эта битва титанов за солнце русской поэзии не могла не дойти до директора, и он вновь вызвал учительницу: хватит мозги крутить детям серьезных людей. Ее зачем в гимназию приняли? Что она развела!

Мы постоянно говорим о развитии у детей самостоятельного творческого мышления! -- защищалась учительница. -- Ничего, позже они все поймут, зато у них возник живой интерес! Вы знаете, что они у меня вчера спросили?

Могу предположить, -- сказал директор. -- Что-нибудь в таком духе, сколько у Пушкина было внебрачных детей?

Нет! Они спросили: в стране десятки тысяч площадей, улиц, переулков Пушкина -- а почему нет ни одной улочки Шекспира или Гомера? Что это -- культурная самоизоляция? Или шовинизм? Или боятся, что наш гений не выдержит сравнения с мировыми? А один вообще сказал, что это проявление комплекса национальной неполноценности, который прикрывается гипертрофированным комплексом величия.

Задумался директор о том, что даже быку тяжело вспахать ниву народного просвещения, и выгнал ее вон. Не вообще, а за дверь.

И тут-то и возник в центре площади бюст Пушкина.

Все остальное было делом техники. Класс провел сбор средств на "альтернативный памятник". Помирая в восторге от своей предприимчивости, они еще сложили на компьютере издевательский "французский бланк", напечатали на цветном принтере и торжественно

вручили скульптору. Резвились и падали.

Бюст подменили ночью накануне открытия. Постамент ночью же свозили к кладбищенскому каменотесу, от глаз подальше, и он выбил требуемую надпись быстрее, чем допил бутылку.

...Делу решили хода не давать.

Пушкина, прикопанного в детской песочнице, не нашли. Вероятно, отрыли бомжи и продали во вторчермет. Но глиняный оригинал был у скульптора еще цел. На следующее же утро компания сына мэра погрузила Дантеса в вишневую "Ниву", принадлежавшую самому мэру, туда же сел скульптор с Пушкиным, и исторических врагов повезли в литейку. Работа оплачивалась за срочность, и бюст в тот же день перелили и водрузили на место. У постамента уже ждал трезвый и напуганный каменотес, сбивший непотребную надпись. Это место он прикрыл одновременно отлитой чугунной табличкой:

Александр Сергеевич

ПУШКИН

Дат жизни не поставили. И так все знают. Пушкин бессмертен.

На том все и закончилось.

И теперь бюст стоит в центре маленькой пыльной площади. И людям, склонным во всем искать символы, видится какая-то трудно формулируемая аллегория во всей этой метаморфозе обликов, явленных из одного и того же материала. Но таких людей, надо заметить, в Козельске почти нет. Не задерживаются они там.